

ВСЁ ЭТО ЗНАКОМО, ВСЁ ЭТО ЛЮБИМО

Наталья Петровна Сидорова живет в Вологде,
член Союза писателей России.

Автор нескольких сборников лирических стихотворений,
изданных в Москве, Архангельске, Вологде. Стихи публиковались
также в литературных альманахах «Мария», 1990 г., Петрозаводск;
«Вологодский собор», 1995 г., Вологда;
«Русская душа» 1995 г., Германия.

Наталья СИДОРОВА

Белая бабочка, словно невеста.
Черная бабочка, будто вдова.
Белая - по ветру с цветиком
вместе,
Черную грустно качает трава.

Белое облако в сини небесной
Легкою тенью коснется земли.
Черное облако, бури предвестник.
Вихри закружит в дорожной пыли...

Так уж случается, так уж бывает -
В жизни всему свой наступит черед -
Белую пеною радость растает,
Черной водою печаль подойдет.

Было тихо. Казалось, услышу.
Как в пруду замерзает вода.
О мою вдруг ударилась крышу
Отгоревшая чья-то звезда.

Будет в доме теперь холоднее,
В очаге остывает зола...
Если на небе стало темнее,
Значит, в мире прибавилось зла.

Снова тихо, но нету покоя
От своей, от чужой ли беды.
Ранил душу мне вечной тоскою
Пролетевший осколок звезды.

Давно чужая вольному веселью,
Я полюбила эту тишину,
И комнату, похожую на келью,
И сумерки, приникшие к окну...

Когда душа припоминает звуки,
Неслыханные прежде на земле,
То зарастает след от черной муки
И зеленеют травы на золе.

Я научилась с тайною отрадой
За каждую слезу благодарить,
Стоять перед зажженной лампадой
И с Ангелом безмолвно говорить.

И может быть, судьба обманет
За то, что верю в чудеса,
И песня петься перестанет,
Но неизменны небеса!

Среди вражды, житейской смуты,
Где только чудом не сгорю,
За безжеланные минуты,
За тишину благодарю.

За то, что в сердце уместилось,
Как сладкий вздох «благослови!»,
Как утешение, как милость,
Пространство, полное любви!

Из мглы безверья, ниоткуда
Что может счастье предвещать?
Как день без солнца, жизнь без чуда
Не может душу освещать.

Не потому ль среди разлада
С непостижимой высоты,
Как обещание награды
Слетает властный зов мечты?

И если звезды угасают,

Иль на плечи мои и твои
Шумный ливень, потоки струящий,
Слушай музыку нашей любви.

Средь ветвей, где листва догорает,
И в рябиновой горькой крови
Нет, не ветер, не ветер играет -
Это музыка нашей любви.

Ляжет снег на лугах сиротливых -
Тишину чутким сердцем лови.
Меж деревьев седых, молчаливых
Вспомни музыку нашей любви.

Позабудь легкий след
на весеннем снегу,
Гех растаявших дней,
тех снегов не вернуть.
Позабудь все, что я позабыть
не могу,
Только алого утра мечту не забудь.

Где-то звонко упала капели слеза,
И почудился вздох чуть
согретой земли.

Только раз мы взглянули
друг другу в глаза
И в смятенье ни слова сказать
не смогли.

Ни о чем не жалею и счастья не ждущу.
Той зари огневой
мне хватило сполна.
Не живу, а иду по весеннему льду
С той поры, как судьбой эта
встреча дана.

Я спою о прохладе бегущей волны,
Пусть колышутся легкие тени.
Я спою о дыханье далёкой весны,
Утонувшей в сиреновой пене.
Лишь о том, что так трогает
душу мою,
И сегодня тебе не спою...

Я спою о цветущем,
сверкающем дне,
Где была даже пыль золотая,
Где резвилась у ног, словно
в праздничном сне,
Мотыльков серебристая стая,
Но о том, что так трогает
душу мою,

Я тебе, милый друг, не спою...

Будет песня моя и тиха, и светла
И ничем твой покой
не встревожит.
Та весна отцвела, догорела дотла,
Даже тенью коснуться не сможет,
А о том, что так трогает
душу мою,
Я тебе никогда не спою...

Это лето, дождями умытое,
Шелестело, звенело, цвело.
И нечаянно в счастье забытое
По аллеям своим увело.

Как душисты цветы придорожные!
И молчание - слов горячей.
Растворяются тени тревожные
Пред сияньем сквозящих лучей.

Высоко, высоко, над невгодами
Пенье птиц разливается вновь.
Дальним эхом, зелеными сводами
Дерева прославляют любовь.

Седой одуванчик теряет пушинку,
И речка волною качает кувшинку,
И в облаке солнце румяно садится,
Как алая ягода в клювике птицы.
Пусть годы, как ветер,
проходят незримо,
Все это знакомо, все это любимо.

Родная деревня под северным небом,
Ты клевером пахнешь
и зреющим хлебом,
Дожди затяжные обуглили
крыши,
И вечер в окошко прохладой
дышит.
Над крышами звезды горят
негасимо -
Все это знакомо, все это любимо.

У старого дома все те же качели,
Здесь детство
и юность мои пролетели.
Но песни мои здесь еще недопеты,
Пусть юность другая
встречает рассветы,
Пусть детство другое
проносится мимо -
Всё это знакомо, всё это любимо.

ВСЁ БЫЛО ТАК, КАК БЫЛО МНОГО ЛЕТ

Юрий Михайлович Максин родился в 1954 году в деревне Плосково Череповецкого района. В настоящее время живет и работает в городе Устюжне Вологодской области. Автор пяти поэтических сборников, последний из которых «Навеки твой...» вышел в 2006 году в Москве, в издательстве журнала «Юность». Стихи Юрия Максина публиковались в журналах: «Москва», «Наш современник», «Роман-газета XXI век», «Встреча», «Юность», «Север», «Русская провинция», «Невский альманах», «Литературная Россия» и других.

ЮРИЙ МАКСИН

НАПОМИНАНИЕ

*Из года в год, из века в век
Русь рада нежному покрову.
Ей подобру и поздорову,
когда летит из неба снег.
А затихает снегопад,
выходит солнце из-за тучи -
искрится Русь красой могучей
и радует открытый взгляд.*

*Сияют белые листы
седой равнины государства,
как след потерянного царства,
где были помыслы чисты...*

БЕГУНЬЯ

*Девушка, как солнышко, бежала.
Круг, еще один, другой...
Ей чего-то тоже не хватало
в этой жизни сложной и простой.*

*Спутника, который вечно рядом?
Тренера, который знает как?
Я бегунью провожаю взглядом -
по утрам гуляющий чудак.*

*Девушка бежит по стадиону,
обгоняя ранний солнца луч.
Он еще скользит по сонным
кронам,
но уже прорвался из-за туч.*

*Сердце у меня, как мячик, скачет,
что-то настывает по пятам...
Я желаю девушке удачи.
в желтой майке бегать по утрам.*

ПОСТАРЕВШИЙ БУРАТИНО

*Постаревший Буратино...
Он остался с носом - длинным.
Ни Мальвины, ни друзей,
стружки лезут из ушей.*

*Жизнь - театр. А куклы кто?
Кто - осёл. Кто - конь в пальто.
Все в театре, все при деле,
только годы улетели...*

*Буратино... Буратино...
Он остался с носом - длинным.
Подружился с Дуремаром.
Одинок куклам старым.
Папа Карло - на том свете.
И на всей большой планете
он такой теперь один -
нету больше Буратин...*

*Пуškai улетает макушка!
Пусть стонет отчаянно ствол!
Судьба - заводная игрушка,
которую ветер завел.
И ветер ее остановит,
крутнув механизм на излом.*

*А сердце все ловит и ловит
метель,
всем изломам на зло.*

*Судьба еще не развела.
Еще звенит хрусталь меж нами.
Бокалы тонкого стекла
соединяют лед и пламя.
Но это хрупкое стекло*

сейчас наполнится слезами.
Пока еще не все прошло,
давай останемся друзьями!

Давай останемся друзьями!
Не убирай своей руки.
Пока слова еще легки,
давай останемся друзьями!..

Еще глядят глаза в глаза,
и помнится любовь былая.
А эта первая слеза -
слеза еще совсем не злая.
Еще не все, не все прошло,
не все рассыпалось меж нами,
как это хрупкое стекло...
Давай останемся друзьями!

Велик соблазн: остаться одному,
чтобы никто, нигде - на всей
планете.

Встречая свет и провожая тьму,
ни за какую боль не быть в ответе.
Проснешься утром: есть в реке вода,
на небе - солнце, воздух
пахнет медом.

Соблазн велик. Но как, скажи, тогда
Остаться сыном своего народа?

Сколько слов носит ветер?
Тот, кто их на ветер бросал,
за слова теперь не в ответе.
Ветер, ветер, зачем ты их взял?

Ты уносишь в пространство,
перемещаешь далеко-далеко,
превращаешь в непостоянство
все, чему верили глубоко.

С ветра никто не спросит,
но прозвучало так:
«Собака лает, ветер носит».
Носишь слова собак.

Сколько ты сможешь вынести
трусости, лжи и лая?
Вынести или выместить?
Ветер, ответь.
- Не знаю...

Как жаль,
что больше нет городовых -
блюстителей
законного порядка.

Увы! Никем
не заменили их.
Мундиров - тьма,
городовых - нехватка.

Нет мужиков
с «селёдкой» на боку,
с ядрёным кулаком
на хулиганов.
Кто остановит хама
«на скаку»?
Кто не позволит
потрошить карманы?

Бесчинствует
российский беспредел.
Бойцы порядка -
за железной дверью.
Хотя их строй
отнюдь не поредел,
на зов не выйдут -
вышли из доверья...
Как жаль,
что больше нет городовых -
богатырей,
во время смуты павших.
Невыносимо стало жить без них.
Без них неладно
в государстве нашем.

Верба глядит в оконце
глазом пушистым, шалым.
Вестницы резвой солнца
только и не хватало.

Жизнь не совпала в сроках,
но совпадает с песней.
Машет хвостом сорока,
долго стрекочет вести.

Ей все давно знакомо,
знает на все ответы.
Быстро и невесомо
крылья несут по свету...

Тихий день закатился за лес.
Охладел позолоченный крест.
Заблестевшая в небе звезда
показалась осколочком льда.

А потом стало тесно от звезд.
Кто-то лед звездный по небу вез
да рассыпал кули по пути -
не собрать его, не довести...

Ненадолго заснули глаза
и очнулись в холодных слезах.
И как будто бы голос звучал,
и как будто гостей созывал...
Я опять провалился во тьму,
не поняв, не почуяв - к чему.

А наутро у двери - гонец,
Звал отец.
Не проснулся отец.

Мне снилось утро. Самое простое.
Все было так, как было много лет.

Вставало Солнце силой налитое,
даря Земле животворящий свет.

И раскрывались очи и бутоны
цветов и губ для поцелуев дня.
Но среди всех проснувшихся

влюбленных
то утро не увидело меня.

Я спал и спал, уставший, словно воин.
Сгущались тени на моем окне.
Мне снилось утро. Самое простое...
И кто-то рядом плакал обо мне.

ФОТО АРХИЕПИСКОПА МАКСИМИЛИАНА

Я НЕ ЗНАЮ, КАК ЖИЗНЬ ПОВЕРНЁТ...

Владислав Николаевич Кокорин родился 15 мая 1955 года в деревне Шера Сокольского района Вологодской области. Закончил Первомайскую восьмилетнюю сельскую школу в поселке Судоверфь. Затем продолжил образование в профессионально-техническом училище № 28 города Вологды, работал на подшипниковом заводе № 23. В 1987 году закончил заочное отделение Литературного института имени А.М.Горького. В 1993 году вышел первый сборник стихотворений Кокорина «Три заклатья», а в 1995 году он был принят в Союз писателей России. В 2002 году вышел второй сборник - «За долг и честь». Владислав Кокорин публиковался также в коллективных сборниках, альманахах, журналах «Москва», «Север», «Встреча», «Дружба», «Роман-газета», в газетах «Литературная Россия», «Российский писатель». Живет в Вологде.

**ВЛАДИСЛАВ
КОКОРИН**

*И мы сидим у одного костра,
сжигая в нем друг друга...*

Т.Бычкова

*Ну, здравствуй, всехняя сестра,
Пусти погреться у костра.*

*Что дым? Он ясных глаз не выест.
Огонь хранить - нелегкий крест:
Теперь ты знаешь, кто не выдаст,
А кто - всенепременно съест.*

*Смахни горючую слезу.
Даётся нам судьба... на вырост,
Чтоб каждый мог взрастить лозу.*

*Певали бабушки, бывало:
«Ой, виноградиё моё...»
Хотя в садах всё вымерзало
Раз в жизни точно, ё-моё!*

*Вновь в землю семя положить,
И вновь полжизни всё лелеять...
Росточек, веточку жалея.
Не легче было им прожить.*

*В костре себя не надо жечь,
Пусть наша жизнь иных не слаще.
Ты знаешь, как его сберечь,
Ты береги его и дальше.*

*О них никто не узнает, стихи
умирают молча.*

*Поэт иногда бранится, он видел,
он чувствовал их.
Но не дают работать всякие
разные сволочи,
С которых, конечно, взыщется
за каждый погибший стих.*

*Слово - оно у Бога, оно и приходит
от Бога,
Но воля дана человекам -
словом не дорожить.
Надеюсь, что всем нам, грешным,
ждать осталось немного,
Чтоб слово стали лелеять,
чтоб слову стали служить.*

*Надеюсь, что Бог помилует,
позволит и нам воочию
Узреть слова сокровенные так,
чтобы поняли их.
К тому и чинят препоны всякие
разные сволочи,
Но с них непременно взыщется
за каждый погибший стих.*

*Поэт богатым быть не может,
Но тоже... хочет иногда,
Когда иные «господа»
От нищего воротят рожги.*

*А у поэта «вошь в кармане»
Да на аркане две блохи.
Конечно, есть ещё стихи,
Но их... не поместить в стакане.*

Меж тем поэта угощают:
Подносят, ставят, подают.
Все нынче «на халяву» пьют,
Когда немного отощают.

Он смотрит на бутылку рать,
В нем мысли горькие вскипают:
Да, вдохновенье не продать
И рукопись не покупают.

Халява тоже стоит тыщ!
Братва, спасибо! Поделилась...
Он пьет один. За всех, кто нищ,
За всех, кому не обломилось!

«Поэты сами господа!» -
Так мог сказать помещик Пушкин,
Не опускаясь никогда
До поднесенной кем-то кружки.

Век для поэтов золотой...
Наверное, он был когда-то...
А нынче публице «крутой»
Пишта нужен «крутоватый».

Бармен опять несет бутылку
С заморской яркою наклейкой.
Эх, жизнь красивая, злодейка,
Сплошной кабацкий водевиль!

Мы долго будем изживать
Дурную обреченность эту.
Еще Рубцов успел сказать:
«Погано... русскому поэту».

**Бывало, дед: «Ну, - скажет, -
жги лучину,
Коль нету дров.
А мне подай овчину,
Так на печи я всяко не погину».**
**Загадкой скажет:
«Русские мы вроде,
А все вредим
романовской породе...»**
(Из воспоминаний)

Нет, я не враг романовской породе,
Ношу тулуп, хотя он и не в моде.
И это вызывает странный смех
У тех, кто навязал нам «рыбий мех».
Они и знать не знают о породе!
Они готовы всех одеть «по моде»,
Искусственной потворствуя
природе.

И сдурю не поняв, о чем я говорю,
Вот, скажут, он тоскует
по царю.

А я всего лишь не хочу
«плясать под моду»
В угоду всякому ретивому уроду.

О ПРОШЛОМ

Разбирали церковку на кирпичи
сволочи,

Шибко ушлые - ловкачи,
Да послушные - бестолочи.

Потешалось глупое сволочье:
«Это нонеча стало всё ничье».

Изгалялась подлая сволота:
«Самого Христа сволокём с креста».

Нам поможет плут. Нам
прислужит гад.
Разорим того, кто добром богат.

Проведем спроста бедноту-дурноту:
«Будет, как с куста, всё вам тут,

И в дворцах места за ударный труд».
Будет клуб-спортзал
в храме божием,

Чтоб шарашились «возжди»
худорожие,
Богохульные толкали речуги
Да крутили с бесами «буги-вуги».
Не умаются пока
Сволочуги.

ВЕЩУН

Он лег на дно последней тварью,
И не узнал родное дно,
Там все мертво, там пахнут гарью
И хлеб насущный, и вино.

А наверху гремят парады.
Шумит Олимп, деля награды,
Номенклатуру веселя.
Но тянет вниз синюшным чадом
От балыков и хрусталя.

Иглой запойного кошмара
Вонзился в сердце глупый страх.

Он чуял запахок угара
Во всех присутственных местах.

А жизнь кипит, сияет солнце,
Ведь мир стоит не на злобе.
Но воеет в лифтовых колодцах,
Как будто бы в печной трубе.

Он жил заботами о пище,
Порой впадая в забытье,
И все твердил: «Они не слышат,
Они - утратили чутьё».

Худой, в заношенном пальто,
Торчал он, словно долото,
Среди запойного народца,
Пока не падал, где придется.

Над ним смеялись: «Что за бредни:
Эпохи пасынок, изгой,
Ты говоришь с самим собой.
Иди, вставай вон у обедни
И стой с протянутой рукой.
Да кланяйся перед мощной!
Вещаешь тут... А сам ты кто?»
И голос был из-под пальто:

«Последний. Может быть,
последний
Из всех погибших ни за что».

КУВАЛДИНА ВЛАСТЬ

Ты настойчиво «била кувалдой»,
А ведь это не женское дело.
Я заплакал бы, если не знал бы,
что ломаешь ты так оголтело,
Бормоча: «Как мне все надоело!»

Неказистый, конечно, очаг
И хоромы - бедней не придумать.
А супруг - не сказать, чтобы враг,
Но хмелен, бедолажечка, вумать.

Не хотел он дрожать под стопой,
Не хотел и сражаться с женой,
У корыта сходясь в рукопашной.
Он со «змеем» схватился

бесстрашно
И ушел во вселенский запой.

Было дело - хоромы лепил,
Приколачивал планочку к планке.
А теперь - все пошло на распыл,
Перебиты хрустальные склянки.

Водрузить на очаг бы мангал,
Подпереть бы хоромы стропилом,
Но тебя словно бес обуял:
Все сломать, что еще не пропил он.

И откуда силенка взялась
(он слепил-таки крепкий домишко),
Велика же кувалдина власть,
Если сила дается с излишком.

Он упрятал в карман уцелевший
стакан
И запел о неправде измены,
А кувалда летала, и падали стены,
И трещал допотопный диван....

...вьется пыль в разоренном дворе,
Треплет ветер тряпье на коле.

БЕЗ

Вы подновили храм,
но это - оболочка,
Легка и здесь у нищего сума.
Народ сюда идет поодиночке,
зато полны питейные дома,
Битком набиты зона и тюрьма,
И бомж согнулся у помойной бочки.

А вы попрятались в глухие терема:
дверь на цепочке, сердце
на замочке.

И смотрят в мир,
где злая кутерьма,
Лишь телекамер глупые глазочки.
И вдруг поймешь,

что «Горе от ума» -
Наивные дворянские «цветочки».
А «ягодки», пикантные весьма,
Доспели со словом нелепым -

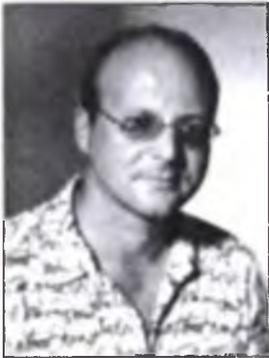
«заморочка»,
Свалившись на страну,
как новая чума,
Когда державу понесли по кочкам
Без горя ум и горе без ума.

Пикантный - в иносказательном (негастрономическом) толковании - соблазнительный, возбуждающий интерес.

Заморочить - ввести в заблуждение, запутать, обмануть.

Памяти В.М.
Багряный лист, он был привязан
за веревочку,

КАКОГО ЦВЕТА РАДОСТЬ И МЕЧТА...

КОНСТАНТИН ПАВЛОВ

Константин Алексеевич Павлов родился и живет в Вологде. Ему 38 лет. Закончил факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Работал в «Вологодском комсомольце», «Русском Севере», «Вологодских новостях». Член Союза журналистов с 1990 года. Стихи Константина Павлова неоднократно публиковались и публикуются в газетах и журналах области, в журналах «Двина», «Юность». Автор семи поэтических сборников: «Пороги» (2003), «Зеркалинки» (2003), «Время дождя» (2004), «Две колеи» (2004), «Три лика» (2004), «Тополиная дорога» (2005), «Время солнечных денюков» (2006).

ПАПИН КАБИНЕТ

*Для меня во всей квартире
И, наверно, даже в мире
Интересней места нет:
Это папин кабинет.*

*У него там скрепки, кнопки,
Ручки, краски и коробки
И, конечно, много книжек...
Подойду к нему поближе:
«Папа, дай мне карандаш...
А листочков мне не дашь?..
Папа, кнопочек штук пять
Я могу отсюда взять?..
Папа, красок мало...»*

*Папа всё готов отдать,
Лишь бы не мешала.*

С ДОБРЫМ УТРОМ!

*С добрым утром, мои дорогие:
Степи, рощи, леса и поля!
Вы сегодня немножко другие,
Белоснежною стала земля.*

*Первый снег, первый лед,
первый иней.
И под алою краской зари
Снег искрится: то белый, то синий;
Ну а вон, посмотри, снежиры!*

*Погостить в сад пустой залетели
И ведут свою зимнюю трель,*

*Значит, ждать надо первой
метели,
Допоеет нам их песню метель.*

ИГРАЮЩИЙ ВЕТЕР

*Я влюблен в этот северный край,
Потому что в его глухомани
Есть земной неразтраченный рай,
И меня этот рай с детства манит.*

*Здесь в июне косые дожди
И соцветия радуг над крышей,
И в июле погоды не жди,
Только травы все выше и выше.*

*Здесь за полем болота, леса,
Но их тайны знакомы немногим:
Там такие царят чудеса,
Поутру там из клюквы роса,
И вокруг ни тропы, ни дороги.*

*А вокруг ни следов, ни души,
От берез и от солнца лес светел.
И протяжно поют камыши,
Пропуская играющий ветер.*

БОЖЬЯ КОРОВКА

*У соседа кур не счесть,
Ну а мне неловко:
У меня в хозяйстве есть
Лишь одна коровка.*

*Ни телят, ни молока
От нее не будет.*

Но она меня пока
С ранним солнцем будит:

Сядет на нос, проползет,
Мелюзга вельможья.
Со скотиной не везет,
Но коровка - Божья.

МУРАВЬИШКИ

Есть занятие у мальчишек
Из соседнего двора:
Изучают муравьишек
Прямо с раннего утра.

Изучают их повадки,
Их нелегкий быт и труд.
Муравьишки без оглядки
Что-то тянут и несут.

Кто пылинку, кто соринку,
Ставшую для них бревном,
Кто большущую травинку
Тянет в свой огромный дом.

Строят домик муравьята.
Дружно строят целый день.
Удивляются ребята:
«Как же им вот так не лень?»

Поражаются мальчишки:
«Неужели так всегда?..»
А простые муравьишки
Им дают урок труда.

Посыпаны пеплом замерзшие ветки,
В сугробах нахохлился старенький клен,
Согнулись от снега кусты-малолетки,
Заснули букашки до лучших времен.

Кряхтят от натуги мохнатые ели,
О чем-то своем меж собой говорят...
Рябину клевать воробьи прилетели,
Но гроздь рябины уже не горят.

В огромном сугробе застряла лосиха,
Какой ее леший к оврагу понес?
Пытается выбраться тихо, без «психа»,
И дышит вперед, как большой паровоз.

...И мы настоящей зимы уж не ждали:
Последние были не зимы, а смех.
И только старушки, шутя, нагадали,
Что в этом году хватит снега на всех.

Я присмотрелся,
чем рисуют дети,
Какие в предпочтении цвета.
Никто не знает
лучше их на свете,
Какого цвета
радость и мечта.

Какого цвета
грусть, обида, шалость.
Рисуют дети этот мир
спеша...

Немногое
нетронутым осталось,
Как я и думал, -
два карандаша.

...Не любят дети
черно-белый мир,
Каким его
так часто видим мы.

У меня есть сын и дочка,
Карандаш и три листочка,
Хлеб и масло есть к столу,
Самовар стоит в углу.

Есть кого на чай позвать,
С кем дружить и пировать,
Есть немножечко врагов,
Есть работа, тыл и кров.

Я люблю и дождь, и снег,
И жару без пыли...
Я - счастливый человек,
Что б ни говорили.

Я старше стал на целый год:
На зиму, осень, лето,
На бег ручья и ледоход, -
Но что жалеть об этом.

И пусть я старше на обман,
Мне не на кого злиться.

*Я сердце залечу от ран,
И будет славно биться.*

*Я стану выше на любовь...
Дай Бог мне сил в ненастье,
Чтоб, ошибаясь, вновь и вновь
Любить и верить в счастье.*

СЕНТЯБРЬ

*Льет с заката до рассвета
И с рассвета дотемна,
Растворилось солнце где-то,
И растаяла луна.*

*Без часов едины сутки,
Слег от ОРЗ петух,
Сбились в кучу даже утки,
И в запой пошел пастух.*

*Всюду томность и усталость,
Лишь дрова, шаля, горят,
Бабье лето потерялось
В водостоке сентября.*

*Взял я в руки карандаш,
Набросал картину.
Только солнечный пейзаж
Лег опять в корзину.*

*Где вы, солнце и цветы?
Только три комочка...
Не выходит красоты,
Как просила дочка.*

*За окошком снег летит
И ложится в лужи,
Для природы этот вид
Мне совсем не нужен.*

*Надо лето рисовать
Для любимой дочки.
...Не иду сегодня спать,
Мучаю листочки.*

*Я с детства не давил лягушек
И сзади их не надувал,*

*Я этих квакающих «душек»
В большие банки собирал.*

*Ловил им комаров и мушек,
Поил фильтрованной водой,
И хор откормленных лягушек
Мне песни пел наперебой!..*

*И если зимы наступали,
А лед сжимал разлив болот,
Мои глазастые не спали
И квакали под Новый год.*

*Средь многих
непонятных красных дат
В календаре одна есть,
только в мае:
Есть дата
светлой памяти солдат,
И эту дату
каждый русский знает.
Как тонкая
связующая нить,
Участвуют в парадах
наши деды.
Эх, старики,
а вам бы жить да жить,
Давно седым
свидетелям Победы!
Я этот день
наполню через край
За вашу боль,
надежды и утраты!..
...Идут еще,
идут из мая в май
Последние
Советские
Солдаты.*

9 мая 2004 г.

ЛЮБОВЬ

*Ты помнишь церковь
«Константин - Елена»,
Любовь людей,
спасенную в веках?
И лишь она
хранила эти стены,
Когда кресты теряли облака...*

...И РОДИНЕ ТИХОНЬКО ПОКЛОНЮСЬ

Лидия Михайловна Теплова родилась в дер. Медвежка Усть-Цилемского района Коми АССР. После окончания средней школы переехала на постоянное место жительства в г. Сокол Вологодской области. Работала на Сокольском ЦБК, затем корреспондентом газеты «Сокольская правда».

Стихи публиковались в журналах «Север», «Аврора», «Слово», «Роман-журнал XXI век». Автор стихотворных сборников «Крик в ночи», «Мишкин год». Поэзия Лидии Тепловой - это уголок живого северного края, северной деревни, живой, страдающей, отзывчивой на чужие беды души.

Живет Лидия Теплова в г. Соколе. Член Союза писателей России.

ЛИДИЯ ТЕПЛОВА

Тропинка,
Покосившийся плетень,
От времени замшелый
Сруб колодца,
Зеленоглазые избенки
Деревень -
Все это Родиной моей
Зовется.
Краюху неба
На закате дня
Зальет заря
Тончайшей позолотой.
И промелькнет косынка
Вдоль плетня -
То мать спешит усталая
С работы,
Приносит ветер
Горький запах трав,
Волнуют кровь
Неясные желанья.
В дыханье матери,
К груди ее припав,
Я слышу Родины моей
Дыханье.

Мне мрачный ельник - дом родной,
Кукушкин лен -
перины пышной мягче.
Придет беда,
со мной березы плачут,
Светло смеются в радости со мной.
Я в лес иду не просто по грибы.
Что мне грибы? Грибов везде навалом.

Я в лес иду охотницей бывалой,
Не убивать иду, иду любить.
Иду любить, не требуя за это
Ответного тепла, ответных слов.
К чему слова? Душа и так согрета
Касаньем трав и запахом цветов.
Держась рукою за ладошку ивы,
Нагнусь к ручью. В ручье мои глаза.
Ручей вдруг скажет:

«Ты пришла, красивая?!»

Я вдруг пойму: он это мне сказал!
Учусь любить.
Гоню из сердца память
На злой навет.

на чей-то взгляд кривой,

Ведь я в лесу обласкана цветами,
Ведь я в лесу целована травой.

А.Цыганову

Закружилось по лесу колесом.
На затылке волосы колосом.
Старый пень встречается
в третий раз.
Серый день кончается. День погас.
Ни звезды, ни месяца - темнота!
Чьи-то очи светятся из куста,
Кто-то шарит лапушкой по спине.
Ох, как страшно, мамушка,
охти мне!
В сапожонках - уголья на беду.
Неужели с круга и не сойду?
Жить, плутая по лесу, можно ли?
На затылке волосы ожили.
К бочагу локтями я привалюсь.

На звезду губами я наколюсь -
 То звезда Полярная в вышине
 Гонит тучи рваные, светит мне.
 От звезды да по лесу к мамушке,
 Кудерьками волосы на ушке.
 Не достался ворону сыт кусок.
 Откатилось в сторону колесо.

МОРОШИНА

Просвечивает ягода насквозь.
 Жаль с кочки брать:
 Пережидая время,
 Внутри ее пригрелось сладко семя,
 Да не одно, не два! -
 Бельчонку в горсть!
 От тяжести согнулся стебелек,
 Топорщатся листочки жестковато,
 Комар над кочкой
 кружит воровато,
 Еще комар. Да их тут целый полк!
 Всем хочется к морошине
 прильнуть
 И с головою в сладость окунуться.
 А я уйду. Мне выпал дальний путь.
 Во мхах седых следы не остаются.
 Но через год, как лучшую из тайн,
 Я вспомню эту ягоду на кочке,
 И буду думать,
 что с ней рядом дочки,
 И в каждой снова горсточка семян.
 Живой земли дыханье не остыло.
 И, отгорев, морошина жива.
 Я там была и я не наследила
 Хорошие, не правда ли, слова?

МОИ ДЕРЕВА

Чуть вечер, и я ухожу за околицу,
 Где в сумерках плавится
 воском трава,
 Где ветрено, гулко,
 где истово молятся
 Навстречу мне вышедшие деревья.
 Они беззащитны,
 исхлестаны ливнями,
 Кора их шершава, а ветки ломки,
 Меня узнают, окликают по имени,
 Натужно сгибаются так высоки!
 Мне сладко и жутко
 в их призрачном царствии,
 Где в каждой колодине чудится зверь,
 Где правят кикиморы,
 лешие барствуют.
 А может, вся нечисть
 исчезла теперь?

А может, ушла она по бездорожью
 От рева машин, от сияний огня?
 Ведь эта дорога
 не мною проложена,
 Ведь кто-то ходил здесь
 еще до меня!
 Кусты перемяты, избиты,
 истерзаны.
 Мазутом -
 не мятою пахнет трава.
 Он, лес за древнею, ломоть
 отрезанный,
 Они умирают - мои деревья.
 И как же им страшно
 в ночи умирающим!
 Приду, каждый ствол
 их оглажу рукой.
 Не в силах помочь. Потеряла покой.
 Добрые звери поплачут со мной.

ПЕСНЯ ТРАВЫ

Мне под твоим окном
 Совсем не холодно расти,
 Была я зернышком,
 А стала травкою.
 Куда бы ты ни шел,
 Я на твоём пути:
 Такая теплая,
 Такая мягкая.
 Мне под твоим окном
 Совсем не холодно расти.
 Вон рядом куст дрожит,
 Под ливнем мается.
 Я вижу, как ты спишь:
 Ладонка на груди
 То поднимается,
 То опускается.
 Мне под твоим окном
 Совсем не холодно, поверь!
 Я неизмятая и неуставшая.
 Я - просто зернышко,
 От всех твоих потерь
 Травую ставшее.

 Я приду к тебе однажды.
 Обойду кругом твой дом.
 Прикипят к коленям влажно
 Травы под твоим окном.
 Куст обнимет веткой мокрой,
 Листья соберет в букет,
 Но в окне за желтой шторой
 Вдруг погаснет желтый свет.
 Побреду назад, ступая
 Мимо тропки, прямо в грязь.

Темнота в душе такая,
Словно жизнь оборвалась.
Словно тут же захоронят,
Замуруют в вечный лед.
И никто не остановит
И назад не позовет.

Течет, ласкаясь,
Северное солнце,
Как сок морошки
По моим рукам.
Я не ручей, не птица,
Не река -
Я просто баба.
В травах придорожных,
В росе, в цветах
Ищу свое лицо.
Ищу и нахожу.
А в сердце рвется
До сладкой, до щемящей
Боли гордость
За то, что по земле я
Бабой босой,
Простою русской бабою
Хожу.

О Родине, о матери пишу,
О глухаре пишу и о собаке.
Где можно, обхожусь без драки,
Где кулаками, плача, погрожу.
А по земле так тяжело шагать,
Чтоб не убить, не смять,
не покалечить
Весь этот мир беспомощно
доверчив,
Как я хочу язык его понять!
Хочу найти венерин башмачок,
Над озерком с кувшинками
склониться
И, может быть, на дом
перекреститься,
Где нет замков, а только есть
крючок.
Не о своей судьбе пекусь до слез:

Я, человек, за этот мир в ответе.
Вот нахожу родник в тени берез,
Очищенный от грязи и от веток,
И укрепленный ивами овраг,
И сосенки на вырубке зеленой,
И отвечаю чибису: «Чудак!
Мы все твои. Живи себе спокойно».

Я встану на колени у дороги
И Родине тихонько поклонюсь.
Она бредет - в лаптях худые ноги.
Да, это Родина, моя святая Русь.
Обижена, унижена до боли,
Лишь голубые светятся глаза.
Холодный ветер Русь на север гонит
К родным церквям,
к прекрасным образам.
Мы много лет светло
и славно жили,
Работали не покладая рук.
Но грудь с размахом
не перекрестили,
Берясь за косу или же за плуг.
Великая, могучая держава
В кольце врагов, их оголтелых стай,
Куда ушла былая наша слава,
Куда пропал наш светлый
чистый май?
В кольце врагов,
как пуговка пришита,
И защищен ракетами окрест.
А ведь была, была у нас защита -
Молитвы, вера,
православный крест.
И презирая пасмурные тени,
Господ, ограбивших великую страну,
Мы всем народом встанем
на колени,
Но перед Богом, будто в старину.
И голубые очи запьют.
Поднимется ее бунтарский дух.
Люблю тебя, Россия, понимаю.
И мну в ладонях тополиный
пух.

...ОТДЫШАТЬСЯ ОТ СЕБЯ И БЫТА

**ГАЛИНА
ШВЕЦОВА**

Галина Николаевна Швецова родилась в г. Соколе Вологодской области. Закончила филологический факультет ВГПИ, художественную школу, студию «Спектр», училась гравировке и резьбе по камню. Работала художником-оформителем, гравёром по камню. Преподавала в школе литературу, русский язык, мировую художественную культуру и изобразительное искусство. Автор двух сборников стихов, первый из которых был рекомендован Вологодской писательской организацией к изданию в Северо-Западном книжном издательстве в 1986 году. Публиковалась в местной и областной периодике и нескольких союзных коллективных сборниках, а также в областных и российских журналах. Участник областного семинара молодых писателей. Лауреат конкурса «Звезда полей» (2003) Московского Рубцовского центра (3-е место). Лауреат Всероссийского конкурса «Золотое перо» (2006).

*«Добрым людям помогает Бог».
Среди людей бытует вера в это.
Оттого, живя на белом свете,
Лишь добро творить даю зарок.*

*И добро умножится добром
Среди всех грядущих поколений...
Над зарёй летит звездой
нетленной
Ангел, охраняющий мой дом.*

*Снова солнце, падая в реку,
Золотом кувшинок отразится.
И опять душа преобразится
Над землей, на вышнем берегу.*

*Там, за косогором, тает лес,
Ягодами и грибами полнясь.
Плещется, звенит, поется повесть
Луговых незыблемых чудес.*

*И трещит сорвавшийся с зари
На травинку трепетный кузнечик.
И звезда - иль ангел то парит? -
Чтобы добрым людям было легче.*

*Глаза открыла - светлое окно
Да тишина распахнутого мира.
И ты сидишь, наверное, давно.
И будто не перо в руках, а лира.*

*Не подойду, не встану за плечом -
Так тишина рассветная прекрасна,*

*И миг спокойных мыслей ни о чем,
Когда и на душе, и в сердце ясно.*

*А ты тихонько лист перевернешь -
И не случится
Ничего на свете.
Лишь зайчиков на рукаве
спугнешь,*

*Доверчивых,
Как маленькие дети...*

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

1

*Село Архангельское, здравствуй.
Летит на церковь воронье...
О солнце красное, не засти!
Дай наглядеться на нее.*

*На деревца, на колокольню,
На эту ласточку в окне...
Я шла счастливая по полю
И вместе с ним припала к ней!*

*И здесь, под тенью стен оббитых,
Где восседало воронье,
Я разревалась от обиды
За поругание ее!*

*Лишь погляжу в проем оконный -
И веселей как будто взгляд:
Кресты парят над колокольней!..
Нет, это ястребы парят...*

Высоких окон переплеты,
И снова радостнее мне:
Осталось все-таки хоть что-то!..
Нет, это голуби в окне...

И грязь, и прах, носимый ветром.
И нет дверей, и кровли нет.
И, заслоняясь рукой от света,
Я выбегаю вновь на свет!

Свети, свети сильнее, солнце!
И заслони же поскорей
Свет, выходящий из оконца,
Из всех проемов и дверей!

Налево глянешь ли, направо.
Сокрой, пожалуйста, от глаз
Лучи, наполненные прахом
И поражающие нас.

2

Что с нашей памятью? Ответьте.
Что соберем с ее полей,
Когда гуляет только ветер
Неуправляемый по ней?

И оттого еще тоскую,
И тем еще удивлена,
Что поднимает пыль такую -
За тыщу верст летит она!

И оседает там на землю,
И не на час - на много лет!
До корешков сжигая зелень
И застилая белый свет.

И нет для памяти охраны.
Лишь в дальнем поле, посмотри:
Высококаменные храмы,
Как «на часах» богатыри.

Да, бьют и их чужие стрелы,
Но, застя бурями зенит,
Свирепый ветер об эти стены
Века доспехами звенит!

3

Ах, стены белые!
Недаром -
Зайди за них и посмотри -
Напротив сабельных ударов -
Живые лики изнутри!

Они летят под купол синий
И там, за куполом, сходясь,
Глазами мудрыми России
Глядят на мудрствующих нас.

Не только Бога вспомнишь - Боже! -
Взглянув застенчиво на них.
И Тюрин*, сказывают, тоже
Робел от росписей своих...

Уполномоченный с наганом
И черным взглядом ледяным...
И друг есенинский, наш Ганин**,
И сам Есенин вместе с ним!

И даже солнце - даже солнце! -
Сжигая травы на корню,
Влетев в прохладное оконце,
Склоняло голову свою...

Село Архангельское, здравствуй!
О суета моя! - шепчу, -
Гони меня,
Ломай на части!
Лишь церковь белую не засти -
В минуты мрачные
Свечу.

* Платон Семенович Тюрин (1816 - 1882) - академик живописи, автор ряда документальных росписей, в частности, и на его родине, в церкви Михаила Архангела.
** Алексей Алексеевич Ганин (1893 - 1925) - уроженец деревни Коншино, поэт так называемой клюевской плеяды (новокрестьянской), давний друг С.А.Есенина, расстрелянный в Лефортовской тюрьме.

ПАМЯТЬ

**О память сердца!
Ты сильней**

Рассудка памяти печальной...

К.Н.Батюшков

Смотрю я старое кино,
На снимки прадеда и деда,
Всех тех, кого уж нет давно.

И чувствую, что это я
Гляжу со снимков потемневших,
И будто рядышком - друзья.

Мы вечно жили на Руси
С надеждой и святою верой.
И память - свет любви безмерной -
В нас никогда не погасить.

И, может, смерти вопреки,
Той самой памятью хранима,
Я отражусь - неотразима -
В те дни, что вечно далеки...

Еще мерцает огошок
Под сводами печи,
И пар над ним,
И потолок -
Что в своде кирпичи.
Напротив - медная стена...
Тепло одной, уютно...
А возле красного окна -
Уже зеленая сосна
И голубое утро.

Отзвенел давно кукушкин лен.
Над полями музыка иная:
Карканье унылое ворон,
Что о жарком лете вспоминают.

Непогода просится на двор,
Подошло такое время года:
Бросишь за окно случайный взор -
И в душе такая же погода.

Снова слякоть долгая придет...
Ну а если повернуть иначе -
Вдруг меня за ливнем

кто-то ждет

С сердцем, словно летний день,
горячим!..

Люблю, когда среди дождей осенних
Вдруг вспыхнет золотистый
свет в окне.
Так прошлое во сне на миг поселит
Уверенность, что это не во сне.

Люблю тогда идти
тропой забытой,
Где встречные - лишь в поле тополя,
Где отдышаться от себя и быта
Позволит мне родимая земля.

Люблю, что здесь окинуть
можно взглядом

Далекie деревни и поля.
Ну что тогда еще от жизни надо?
Качаются согласно тополя...

ЛЕТОМ В ЛЕСУ

В содружестве с небесной синевой,
С полянкой, окружённой
звонким лесом,
Сижу себе, склонившись
над травой,

И наслаждаюсь
земляничным летом.

В густой тени деревьев и кустов
Порхают света золотые бабочки,
Навстречу им, дразнясь,
в траве густой
Цветы свои протягивают лапочки.

Вот стрекоза расправила крыло,
И никуда от комарья не деться.
А на сердце покойно и тепло,
Как на ладонях матери младенцу...

ДРУЗЬЯМ

К 60-летию юбилею
А.А.Романова

Лилась бы жизнь,
Как будто песнь в тиши,
Вздremнувшего над речкою
тумана...
Как много вдруг находишь для души,
В которой нет стремления
к обману.

Живется, смотришь,
Как не у людей,
Но в том беды себе большой
не вижу.

А вижу
Над рекою лебедей
И эту речку, что с годами ближе.

И пусть поет соловушка над ней,
Ведь из меня
Какой певец, ей-Богу!
Но благодарна в том судьбе
вдвойне,
Коль что-то есть хорошего во мне -
От добрых встреч
За долгую дорогу!

ПИСЬМО

Моей маме, Охлопковой
Ие Васильевне

Грустно, мама...
Нет-нет, не волнуйся!
Ничего не случилось со мной.
Просто хочется очень домой,
В старый дом твой,
Во дворик с травой...

Я звала его в снах -
 Не вернулся,
 Воскресают ли травы зимой?!
 Видишь - что за причина для грусти?
 Лучше все же забыться и лечь...
 А растут ли на Ворове грузди?
 Не остыла ли русская печь?
 Я сама принесла бы поленьев...
 Впрочем, что я?
 Теперь у тебя
 Паровое, увы, отопление...
 Мама, как же запуталась я!
 Ведь живому - конечно, живое.
 Хорошо, что живешь не в избе.
 Отопление твое паровое
 Нынче в радость уставшей тебе!
 Пусть деревню на город сменила,
 А дела на другие дела,
 Лишь бы только себя сохранила,
 Лишь бы только себя сберегла!

Зачем ты пишешь о судьбе,
 И о любви, и о разлуке?
 К чему твердить о тяжелой муке,
 О суете и о Христе?
 Не нужно слов, что все в беде.

Проблема новая стара:
 Опять гроза сверкнула в небе
 Иль кровь пролить кому в потребу,
 Вперед бросаясь на «ура»,
 Иль возлюбить других пора?

Да, сильный ты, а я - слаба.
 И что я в этом мире значу?
 Куда там думать про удачу -
 Порой не защитит себя.

Устало сердце от тревог,
 И тяжкий грех уже не в тягость,
 Как радость светлая не в радость,
 А впереди - чужой порог
 И в душу горестный плевок.

Вся жизнь - копанье в себе
 Да вера в истину святую.
 А в результате все впустую
 И только рытвины в судьбе.

Меня ты вправе осудить,
 Я и сама себя ругаю.
 Скажу лишь, робко возражая,
 Что не вернуть былого рая,
 Когда и падших не любить...

Отхлынул сон...
 В моих ладонях лето
 Еще горячим зайчиком дрожит.
 А я все вижу,
 как полями где-то,
 Задев меня,
 вдали мелькает детство,
 Девчонка тонкая
 с ним за руку бежит.

ОСЕННЕЕ

Листва кружится по аллею,
 Летит с берез и тополей.
 В стихах есенинских алеет
 И в песнях наших матерей.

Зима, конечно, спрячет листья.
 Но так они ярки пока,
 Что осень, кажется, продлится
 Что зиму долгу? - века!

Остывает ли печь
 с незакрытым засовом,
 или северный ветер
 тепло выдувает,
 только холодно женщине
 в доме сосновом,
 хоть горячая память
 дотла раздевает...
 Я примет не боюсь,
 я не верю в приметы.
 Но подруга моя,
 возвратясь из сторожки,
 с первым снегом в село
 после бабьего лета,
 черной тучей
 в моем отразилась окошке...
 Вышла ей открывать.
 Кто ты, женщина в черном?
 Обняла незнакомка
 замерзшей рукою.
 Кто ты, женщина? Кто?
 Отчего я покорно
 пропустила тебя
 и прошла за тобою?..
 Я примет не боюсь.
 Отчего же сегодня
 все мне кажется тайным
 и полным значенья:
 и подруга пришедшая,
 и непогода,
 и чужие,
 но близкие сердцу,
 мученья.

Память

И ПУТЬ НЕ КОНЧАЕТСЯ

НИКОЛАЙ ДРУЖИНИНСКИЙ

Николай Васильевич Дружининский родился в 1948 году в деревне Неклюдово Грязовецкого района Вологодской области. После окончания грязовецкой школы служил матросом на Черноморском флоте, затем закончил юридический институт. В 1980 году у Н. Дружининского вышли два сборника стихов «Вокзальные березы» («Молодая гвардия») и «Пастушьи напевки» (стихи для детей. С-ЗКИ, Архангельск). В 1989 году увидел свет наиболее полный сборник стихов поэта «Каемка времени» (С-ЗКИ). Лауреат Всесоюзных литературных конкурсов имени М. Горького и Н. Островского. Стихи Николая Дружининского отличает образность, фольклорная насыщенность. В 1993 году поэт скоропостижно скончался.

КТО-ТО ВСПОМНИТ ПОТОМ

(Песня)

Я вот завтра проснусь,
Шевельнутся деревья...
Будет сизый туман
Обнимать берега.
И со мною проснется,
Скрипнет дверь у деревня.
И покажется мне,
Что я прожил века.

Я пойду по траве,
След оставив неровный.
Будет стадо пастись
И гудеть пароход.
И в заречном лесу
Запах хвои здоровый
Будет звать меня вдаль,
Где вскипает восход.

Будет ветер шептать
Древнерусские были...
Опустелый амбар,
Серый старенький дом.
Ничего мы с тобой,
Ничего не забыли!
Все, что было у нас,
Кто-то вспомнит потом.

Помню праздник большой:
Мать вернулась из города,
Из котомки достала
Белый в крапинках хлеб.
Этот хлеб городской
Стоил матери дорого.

Я на черном ломте
Возмужал и окреп.

Я окреп не затем,
Чтоб собой любоваться,
Чтобы силу и удаль свою

напоказ.

Я окреп для людей,
Чтобы с ними остаться,
Боль и радость делить
В свой отмеренный час.
Я тревожно иду,
След оставив неровный.
И на запад гляжу
И гляжу на восток.
Русь - равнина моя!
Запах хвои здоровый...
Никогда, никогда
Я не стану жесток.

Настоящие люди
Очень часто встречаются.
И всегда предо мной -
Серый старенький дом.
Есть любовь, есть и нежность,
И путь не кончается:
Все, что было у нас,
Кто-то вспомнит потом.

Над застылым болотом в ту
осеннюю пору
Все кричал одичало
белогрудый кулик...
Умерла моя милая бабушка скоро,
Не успела последний
доткать половик.

В кармане затасканный адрес,
Кругом незнакомый народ.
Опасная резкая радость
Вовеки во мне не умрет!

**Дорогим родителям -
Аполлинарии Федоровне
и Василию Александровичу
Дружининским
с благодарностью посвящаю**

Опустило солнышко ресницы,
Опустило в озеро спросонок...
Мальчику привиделась плотвица.
Девочке приснился лягушонок.

Юноше - нехоженые тропы.
Девушке - немислимое платье.
Дедушке - забытые окопы.
Бабушке - забытые объятия.

Только мне такое не приснилось.
Я сидел до света у оконца.
Я смотрел, как огненно катилось,
Поднималось над лесами солнце.

МУЗЫКА БАРАБАНКИ

«Тэкэ-тэкэ-тик!» барабанка меня
«Тэкэ-тэкэ-тик!» спозаранку будила.
Веточкою тонкою рябинка, звеня,
В поле за околицу выйти манила.
Около колодца скликал пастух
Желтыми стукалочками

сонное стадо.

Выпустят коров - и на дальний луг
Топало то стадо мимо ограды.
Резкие, дурманящие запахи трав
Струями прохладными

в комнату летели.

«Тэкэ-тэкэ-тик!» - колотил
гуртоправ,
«Тэкэ-тэкэ-тик!» - я спрыгивал
с постели.

Я бежал за стадом на дальний луг
И просил у дядьки побить
в барабанку.

«Тэкэ-тэкэ-тик!» проверял свой слух
«Тэкэ-тэкэ-тик!» - как под тальянку.

Звуки замирали: «Тэкэ-тэкэ-тик!..»
Есть, конечно, музыка и напевней.
Но лишь я закрою глаза на миг:
Вновь увижу детство свое
в деревне...

Зарастает тропинка пыреем,
Возле речки неспешно бежит.
Вот когда мы с тобой постареем,
Станем так же умеренно жить...
Но сейчас мы - в кипенье черемух.
Но сейчас мы - в гуденье шмелей.
И не надо нам слов затаенных!
И других ты со мной не жалеи!
Впереди - горизонт нараспашку,
Но пока мы приляжем в траву.
Нам ветра прополощут

рубашки,

Мы глаза устремим в синеву...
Закрываются, как ласточки,

мысли

До скончания шумного дня.
Видишь, тучи над лесом провисли,
Дождь прольют на тебя, на меня.
Впереди - горизонт нараспашку.
Но пока мы приляжем в траву.
Для тебя полевую ромашку
Осторожно губами сорву.

Не заснуть в польхающем мае!
Только имя потише тверди...
Засыпаешь, меня обнимая,
Как дитя, прикорнув на груди.
По житейским жестоким
дорогам

Я полжизни один отшагал.
Научился ходить, слава Богу!
Но уверенным так и не стал.
Я бежал от какого-то плена,
Уходил от друзей, забытья...
И, поверив в души перемену,
Восходил я на круги своя.
Только смог ли я в годы

вглядеться:

Совесть все-таки не молчит.
Бедный двигатель,

верное сердце,

С перебоями, знаешь, стучит.
Сколько лет мы с тобой
не встречались?

И воды утекло - океан!

Сколько лет мы
с тобою прощались,
Возвратясь из придуманных

стран?

От себя никуда нам не деться,
Что-то будет у нас впереди...
Дай бы Бог, чтобы верное сердце
Билось долго у сына в груди!

ПИШУ КАРТИНУ МИРА СНОВА...

БОРИС ЧУЛКОВ

ФОТО АНДРЕЯ КОШЕЛЕВА

Борис Александрович Чулков - коренной вологжанин. После школы закончил факультет переводчиков Ленинградского института иностранных языков. Работал в Вологде преподавателем институтов, а затем долгое время (до 1980 г.) - в газете «Вологодский комсомолец». Первая книжка стихов была издана в 1960 году в Вологде. В 1964 году принят в Союз писателей СССР. В 1981-1983 годах прошел Высшие литературные курсы в Москве. В 1999 году к 200-летию А.С.Пушкина выпустил сборник «Муз бессмертная сестра 1830-2000 гг.» - антологию стихов русских поэтов о знаменитой царскосельской статуе «Девушка с разбитым кувшином». За создание антологии «Царское Село в поэзии 1750-2000» (СПб., 1999) удостоен Царскосельской художественной премии. В 2005 году стал лауреатом Всероссийской литературной премии имени Н.М.Рубцова «Звезда полей».

ОСЕННИЙ СОНЕТ

Она пришла неслышными шагами,
Поруша ясность летней красоты,
И вот шушат под нашими ногами
Опавшие, поблекшие листья.

Туманом даль закрыта и дождями,
Но с журавлями всё ж

простышься ты:
Над пожней, над пустынными
полями
Их трубный клич раздастся
с высоты.

На юг они летят, где свет и счастье,
А, если ранен кто и отстаёт,
Уж нет надежд на помощь

и участие:
Станица птиц вперед
летит, вперед.

А раненного злою пулей жизни
Лишь ветру и оплакивать на тризне...

ВЕЛИКИЙ НАРОД

Что на роду написано народу?
Написано ему великим быть.
В погоду и в лихую непогоду
С главой, высоко поднятой, ходить.

И сквозь века идя,
и сквозь невзгоды,

Врагов и победить, и посрамить;
И, если будут тягостные годы,
Надеяться до лучших дней дожидать.

В связи с вопросом «быть
или не быть?»
Небытие в ответе - исключить.

И никому и ничему в угоду
Тем заповедям ввек не изменить.

Вот это и предписано народу,
Кому и впрямь дано великим быть!

ТРУД

Тревожней, многосложней,
многотрудней

Предстанет мир,
когда придут года,
Где меньше будет праздников,
а будней

Всё больше будет: будни - вот беда.

Нет-нет, беда не в этом:
безрассудней

Живал я встарь -
не знал цены труда.
Сегодня труд - судья, а я - подсудней,
Ему подсудней больше, чем когда.

Покуда жизнь и вправду не минула,
Нет времени, когда баклуши бьют:

Стояла осень рыжая, сырая,
Вернее, не стояла, а лилась.

Сочилась, как слеза из мутных глаз,
И, ржавая, всё ржавчиной съедая,
Ждала, когда зима придет седая,
И ветром, лист бичующим, рвалась.

Но бабушка зимы не дождалась.
Годов ей было много. И немного
Ее жалел я в чадный этот час,
Когда земля дымилась, и подмога
Не помогла, без сил остановясь.

Сужу себя за черствость
ныне строго:
Не оставляют жалость про запас.

МИХАЙЛОВСКОЕ

В далеком приснопамятном году
Я вздумал путешествовать
по свету...

Куда же я поеду и пойду?
Конечно, к величайшему Поэту.

Неясно было, что я там найду...
Давно уже его на свете нету...
Что ж! Полюбуюсь на его звезду
И жизнь приму, как чистую монету...

Сначала опоздал на самолет...
Но Бог исправил этот мой просчет:
«Прекрасное должно быть величаво».

Потом я был Михайловским храним.
Но чокнулся не с Пушкиным самим -
С его всемирной
и всемерной славой.

РУБЦОВ

Рубцов навек останется Рубцовым!
Двадцатый век его не превзошел.
Хотя судьба гнала рукой свинцовой -
По праву вес и славу он обрел.

И жизнь его мне кажется отцовою:
Для скольких прозвучал его глагол!
Иной - из тьмы отвергших
все основы -
Нашел в нем исцелителя от зол!

И счастлив я, что был ему
собратом

В быту и бытии не столь богатом
(Да вся у нас семья о нем пеклась)...

Идем к могиле матери мы нашей.
Потом - к нему.
И там помянем чашей...

Да что уж говорить теперь о нас!

НА МАРС

- Ну что, готов?
- Приказ и есть приказ.
- Да знаешь ли, какие ждут
мытарства?
- Отец, был разговор уже у нас -
С тобой мы говорили без прикрас...
Что значил бы сегодня мой отказ?
Отказ - подрыв всей сути
Государства.

- А двигатель откажет в ахов час?
Поломки - в них же главное
коварство...
Вот и конец...
- Да ведь, не щуря глаз,
Я присягал один лишь только раз
И одному лишь только Государству.

- Прощай же, сын!
- Осталось 100 минут...
Уже на старт сейчас меня
проводят...
- Дай знать, что ТАМ с тобою
происходит...

- С тобой, отец, душой останусь
ТУТ.
- Ну Бог храни...
И сын НАВЕК уходит.

ВАНЯ!

Жил-был у нас еще какой котёк:
Как я, столь бесхарактерный,
нездешний,
Но род кошачий как бы превозмог:
Что человек, был умный,
чуткий, нежный.
Бывало, только выйду за порог
И кликну: «Ваня! Где ты, друг мой
грешный!»
Стрелой летит, огнем, не чуя ног,
Из зимней тьмы, коварной
и кромешной.

И вдруг - боюсь... И впрямь
не чуял ног...
Но был целящий шприц
ветеринара...

И все антибиотики возмог
Из рук принять, как яства
кулинара...

Восстал из мертвых.
Ноги - как бывало...
Но вдруг автолихач - откуда взяло!..

И нет уж ни стрелы и ни огня...
Мой бедный Ваня, где ты,
мне родня?

С ВЫХОДОМ!

Памяти Александра Романова

- Ну! С выходом! - сказал мне
друг-поэт.

- Как ты узнал?
Я ж только из больницы...
В недоуменье были наши лица,
Но через миг был смехом миг согрет.

- Ты вышел в свет - причем
за столько лет! -
И книгой, что уже не повторится,
Давай-ка посрадим сей грешный свет,
Что совмещает книгу и больницу!

Отметили, причём довольно круто,
И речь у нас не гасла ни минуты,
И говорилось черт-те что о чем...

Теперь мой друг - в покое гробовом,
Он - с входом, нету выхода
откуда.

Жду входа я: Бог весть,
где грянет гром...

ТИШИНА НАВИСАЕТ

Над полем нависает тишина.
Бело, как снег, вон облако пасется,
Чуть-чуть плывя... И Осень так
нежна,
Как будто спит иль вовсе
не проснется.

Сильна в древесных кущах
желтизна,
И грусть от нас уже
не отвернется.

Но, если груздь иль прочий гриб
найдется, -
Не в страх ни желтизна, ни седина.

Уносим мы корзины - даром чудо!
И путь - еще сухой (туда-оттуда),
И радость: камелек в избушке ждет.
Не верим в смерть грибов
(и нас - покуда)...

...А утром - иней. Осени остуда...
Хоть это нам и кажется причудой,
Но Осень нас вокруг пальца обведет!

Пишу картину мира снова -
Передо мною белый лист...
Мир ничего от нас иного,
Кроме взыскующего слова,
Не ожидает - грязен, чист,
Порочен, праведен, прекрасен,
Уродлив, подл и справедлив,
Сыт, голоден, туманен, ясен,
Скуп на глагол и говорлив -
Он мне перо влагает в руки:
- Пиши, коль скоро ты речист,
Как судишь сам, как по науке!
Перед тобою - белый лист!..

ПОТОЛОК

Я должен был поехать
в понедельник,
да почему-то выехать не смог...
...В избе во вторник рухнул потолок -
ну значит: оставайся жив,
бездельник!

Зашибло бы, явись я на порог...
Причина в чем? Дела?
Сидел без денег?

Да нет... Не помню...
Памятью худенек...
Однако не написан некролог...

Не уволок тот горе-потолок
во Смерть меня - хотя вполне
бы мог.

Какой тут прецедент
иль случай явлен?

На сто процентов грохнула бы
Смерть -
чтоб не дышать, не мыслить бы,
не сметь...
Иль для чего-то (?) кем-то (?)
я оставлен (?)

И РУССКИЙ ПУТЬ ОТКРОЕТСЯ ОТ СЛОВА

**ПОЛИНА
РОЖНОВА**

Полина Константиновна Рожнова выросла на Вологодчине, она искренне не мыслит себе края краше, где до сих пор живут и здравствуют ее любимые родители Константин Павлович и Августа Александровна. Первая книжка стихов Полины Рожновой - «Глушица» (1973 г.), покорила читателей своей чистотой и певучестью. В том же году она была принята в Союз писателей СССР. Выходили также сборники стихов «Разрыв-трава», «Красная горка». Широко известна книга поэтессы «Русский народный календарь» « Это, - отмечает Рожнова, - свод обрядов, обычаев, народных праздников и трудовой жизни нашего народа; это и земледельческий календарь, хранящий твердые знания нашего народа о ведении хозяйства, о земле». Плодотворно работала Полина Рожнова на Центральном телевидении, где вела две больших авторских программы - «Круглый год» и «Бабушкины сказки». С 1993 года по инициативе Рожновой стал проводиться Всероссийский конкурс среди девочек и девушек «Марья-краса - длинная коса». Плодотворно трудится П.К.Рожнова в Вологодском землячестве в Москве.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОЭТЫ

Памяти Алексея Ганина

*Есть ли совесть незримая в мире?
Что ты славить сегодня, поэт?
Перестройки, и гульбы, и вихри
Затянули тебя в безответ.*

*А в далекие годы расстрелов
За прозренья - в былинных полях
Погибали поэты, смело
Оставляя себя в стихах.*

*Словно Сиринь-птицы, о воле
Возмечтавшие, о живом
Русском хлебе... Вот их-то застолье -
с чьей-то скорбью и страшным
грехом!*

*Их-то совесть - в глаголах русских,
их-то судьбы - с историей - вхлест!
Среди трав золотисто-русых
в красный час - их последний покос.*

*Мы немало видали печали...
Только их-то прозрение - вслух!
И опять мы молчим как молчали,
но не в нас ли - былинный дух?*

*Но не в нас ли - их Плач Обидин,
Жля и Зга их прозревших вежд,*

*и не нам ли с Ключами Марши
запоручен русский рубеж?*

*Мы немало видали печали...
Но на русские рубежи
не звезда прилетает ночами
к нам, а грач от былинной межи.*

*И стучится в сердца, и голос
древней Судной Трубы - его глас!..
Но взметнется ли хлебный колос
и насыщенный, и вечный - от нас?*

*В чем русский путь?
В сомнениях? В утратах?..
В угорях Бобршных у реки?
Звонят льняные нити в ткацких
станах,
и устилают Русь половики.*

*Иди по миру с именем родимым,
но не сходи с лоскутных
этих троп!..*

*В чем русский путь? -
в умом необозримом
Отечестве,
в любви к отцам - по гроб...*

В Николах, в Дионисиях, в Мариях...

В годах былинных,
в строгих «Житиях»...
В самой твоей судьбе, в твоих
крестинах,
в благословенных пушкинских
словах!

Неси, как крест, по жизни
Русский короб,
в котором и дедина, и вся Русь...
Окошко спросит: «Ты вернешься
скоро?»
Ты низко поклонись, скажи:
«Вернусь».

Когда вернешься -
сядь за стол дубовый
под вечные святые образа...
И Сталинград, и поле Куликово
ты помяни...
Без памяти - нельзя!

Родня, соседи «В горнице» Рубцова
во имя этой встречи станут петь...
И русский путь
откроется от слова,
от песни, как родник, что был и есть.

КРЕСТЬЯНСКИМ ПОЭТАМ

Умирает соборность крестьянского
мира.
Где искать потаенную книгу
«Златые уста»? -
В ней начало Руси...
Летописная миткаль -
в переплете осохлом,
в буквицах - береста.

Николай, Алексей...
От поминок к поминкам
каликой переходящей речь родная идет,
и растет в семь цветов,
и восходит велико
к небесам русский путь,
собирая народ!

Нам бы радугой встать,
как Господним заветом.
что не сгинут крестьянское слово
и хлеб!..

Павел, Пимен, Сергей,
Петр, Василий... С рассветом
в поле русском поют
память вам плуг и серп!

С нами Ганин, Васильев,
Клычков и Орешин,
Карпов, Клюев, Есенин...
крестьянская рать!
От поэзии русской и от России
вас хотели отсечь, отсекая
разъять!

Но кладет в русский короб Господь
синеокий
потаенную книгу «Златые уста»,
и по ту - от Бутырской, и по эту
дороги
вы стоите, воскреснув, как в ризах,
в стихах!

Памяти Александра Романова

Петряево... качели деревянные...
Лети с мольбой своей к Поэту
в жизнь!
Окошко высоко, но ставни ладные
открыты. Лишь под небушко
качнись!

Все живо... Ася пьет чаек из блюдечка,
на лавке на листках -
стихи, стихи...
Коли заглянешь в дом в окошко
с утречка
увидишь тропки в жизнь - половики,
и печь, и чугушки с картошкой, с кашей
и самовар, и фотографий хор.
Он тут, Романов Александр,
он чаще
теперь глядит на деревенский
двор.

Рискнешь ли ты взлететь,
пусть на качелях
и встретиться в окне глазами
с ним?
И все сказать, что не смогла
при встречах,
когда он рядом был?..

На душе - легко,
свет - не за горами.
Думаешь стихом,
пока ты при маме.

В кринке - молоко,
на шестке - припеки.
Время велико,
пока ты при Боге.

Сергей Викторович Комлев родился в Узбекистане 8 августа 1968 года. Несколько лет жил на Украине, потом переехал в Череповец. Закончил факультет журналистики МГУ. В начале 90-х работал в Москве, где стоял у истоков создания популярной газеты «Спорт-Экспресс». Потом вернулся в город металлургов. Стихи и песни пишет лет с 15. Посещал одно время в столице «домашний переводческий семинар» Александра Ревича. Делал переводы с испанского. Написал около 15 текстов для московской группы «Квартал», ныне, после гибели ее лидера А. Пилявина, практически не существующей. Печатался в журналах «Смена», «Новый берег» и других. Вологжанам Сергей Комлев известен как ведущий новостей и авторской программы «Акценты» Вологодского областного телевидения. Сейчас Сергей работает специальным корреспондентом газеты «Речь».

Продолжает писать стихи и песни.

**СЕРГЕЙ
КОМЛЕВ**

ПОЗДНО МЕД ПИТЬ, РАНО ТОРОПИТЬСЯ

В сером доме, похожем, скорее,
на мусорный ящик,
что уныло застыл на развилке двух
лысых дорог,
как-то тихо и буднично умер
пьянчужка-фонаричик,
исчерпав до конца свой отпущенный
Господом срок.

Не сорвалась с орбиты Земля,
и собаки не взвыли.
День прощался с прокуренным
небом до новой зари.
Все осталось, конечно,
по-прежнему, только впервые
в старом городе некому было
зажечь фонари.

БРЕЙГЕЛЬ

Музыка Брейгеля скована
синими льдами.
На полдороге застыл
неприкаянный звук.
Вечность мохнатой собакой легла
между нами,
сунув печальную морду мне
в трещину рук.
Вскинули к тучам деревья
органные кроны.
Слышно, как падает холод
на бежевый снег.
В хрупкое небо впечатана
точка вороны.
В чистое зеркало озера
вмерз человек.

Сказкам зимы не видать
ни конца, ни начала.
За горизонтом укрылась
шаловная пурга.
Вот прогорела вдали
и навек замолчала
над одинокой Вселенною
песнь очага.
И нам уже не узнать,
не услышать среди шума,
не прочитать на страницах
диковинных книг,
что, пригорюнившись тихой
печалью, задумал
пойманный в клетку, замерзший,
прирученный миг.

ОСЕННИЙ ШЛЯХ

Мыши - в норах, обоз - на мели,
захлебнувшись довольством
и хлебом.
Кончен бал. И опять журавли
вбили клин меж землею и небом.

Вновь привычный осенний разор
и привычная злая досада:
за себя, воротящего взор
от проплешин вишневого сада.

За бессилие черных полей
вслед брюхатой, набитой кибитке.
За вечерний надрыв журавлей
над скелетом прогнившей калитки.

За бездомность нелепых обид,
за бездонность слепого колодца...

*А в ушах - все звенит да звенит...
А в глазах - все петляет да вьется...*

*То - не колокол, медные лбы.
Не дорога - сплошная развилка...
И бредут вдоль дороги столбы
по этапу в бессрочную ссылку.*

ПРОКОПИЙ ВЕЛИКОУСТЮЖСКИЙ

Прокопий Великоустюжский - первый русский юродивый. Жил в XIV веке.

По преданию - из немецких купцов.

Приехал в Новгород, где принял православие.

Роздал все деньги и имущество и отправился странствовать по Руси. Оказался в богатом купеческом городе Великом Устюге. Целыми днями сидел на камне, который сохранился до сих пор, провожая крестным знаменем отплывающие корабли. В его житии говорится, что молитвами Прокопия от города была отведена надвигавшаяся туча из раскаленных камней, посланная на устюжан в наказание за их грехи.

Каменный дождь пролился за городом. Поле, усеянное булыжниками, и сейчас показывают туристам, приезжающим в Великий Устюг. Однажды зимой юродивого нашли замерзшим на паперти.

Прокопий Праведный причислен к лику святых (прим. автора).

*Где родился, там не пригодился.
Как чужою верой обрядился,
и чужой стал берег как милей
своего?.. Сокрыты эти тропы.
Ведом только праведный Прокопий,
проводжатый душ и кораблей.*

*Ежедневным обходил дозором
все владенья своего позора,
чужестранец - всякой стороне.
Тумаки, объедки и лохмотья...
И комочек выветренной плоти
на холодном, сером валуне.*

*А над ним, над старцем и молодой,
надо всем промозглым околотком,
где в обнимку липы и кресты,
над холмом, над смехом и печалью,
над лесной юродивою далью,
хоронящей татей и скиты,*

*над протяжным водным караваном,
над дыханьем и над бездыханным,
над реки началом и концом,
над собакой с лапой перебитой,
выше звезд - убогого молитва,
как крыло над мерзнующим птенцом.*

И когда отбеленная скатерть

*покрывает берега и паперть,
а в полях, как будто неживых,
все ложатся и ложатся хлопья,
помяни же, праведный Прокопий,
ты и нас в обителях своих.*

*Пространство занято собой.
Оно - растерянно-покорно,
живя предощущеньем формы,
как недостроенный собор.
На непросохших простынях
веселой мартовской разрухи
шалют разбужненные духи.
И кони, в стойлах отстояв
весь зимний сон, рвут удила
и жаждут беговоплощенья.
И мальчик в люльке ждет крещенья,
и Пасхи ждут колокола.*

*Уходя, ночь утро мне оставила.
Дождь встает на утреннее правило,
мне оставив правило вечернее.
Тусклым летом в северной губернии
поздно медлить, рано торопиться.
Над водою распластанная птица
чертит круг - от панночки укрытье.
Протекает в серых перекрытьях -
не заштопать никакой соломой...
Тусклым утром выходить из дома
можно лишь за почтой да за хлебом.
Что до зрелищ - медленное небо
вытекает из своих излучин
на большак. Привычен и изучен,
как фарватер, здешний распорядок.
Оттого загадок и разгадок
Не уменьшил он и не прибавил.
Оттого - прочней держаться правил
в этом тусклом, северном уезде,
где лампада тусклого созвездья
над реки серебряною чернью
светит долгим правилом вечерним.*

ТРИ СЕСТРЫ

*Огромные зарничные костры
зависли между рельсами и небом.
В Москву, в Москву отъедут
три сестры
вот-вот за азиатским ширпотребом.*

*Вокзал к стеклу вагонному приник,
Как будто здесь -
коллекция рептилий.
Умеренно нетрезвый проводник
до самого рассвета - твой Вергилий.*

И все свои небесные дары,
все горести, кулоны и монисты
на эту ночь вверяют три сестры,
как Господу, шальному машинисту.

И вот уже глаза не отвести
от мимо проносящегося света.
Расходятся и сходятся пути,
как линии в кроссворде без ответов.

И сиясь этот ужас превозмочь,
под потолком перебираешь позы
без сна, пока в космическую ночь
несутся, словно лайки, паровозы.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Как солдат, с четырех окруженный
сторон,
сотрясая Вселенную дрожью
оленьей,
из обоймы выводит последний
патрон,
но молитву все шепчет и ждет
избавленья,
как на площади клятвопреступник
и тать,
вспоминая о той, что младенцем
качала,
о пощаде твердит и божится
начать
все сначала (но только с какого
начала?),
как трепещет душа наподобье
ольхи
у пределов таинственных мира
инога,
как, исполнены страха,
бредут пастухи
за звездой по пустыне из Ветхого
в Новый,
так пытается взгляд зацепиться
опять
перед тем, как исчезнуть в великом
просторе,
за последнего камня последнюю
пядь
у последней черты между сушией
и морем.

По пояс, по грудь, по ворот,
неделю уже подряд
дожди заливают город,
не ведая, что творят.
Такие разверзлись хляби,

такой беспробудный дождь,
что охать устали бабы,
что здешний надменный дож
испуганно, долу очи,
воде сдав еще этаж,
иной и шепнет раз «Отче»
и даже прибавит «наш».

Повсюду пакуют вещи.
Исходом зовут побег.
И сон кто-то видел вещий:
мол, послан сюда ковчег,
каюты в нем - по сто метров,
и трубы на нем - пых-пых...

И мокнут на постаментах
слепые вожди слепых.

Газеты потом опишут,
как месяц почти подряд
взахлеб, никого не слыша,
не ведая, что творят,
дожди заливали город,
который у самых гор,
по пояс, по грудь, по ворот,
по темный, как дождь, собор.
Как в нем отразились горы.
Как выбился дождь из сил...

Как бьется волна, в который
не ведал, по ком звонил.

Плывет псалом медленно
под образа.
Поставь свечу и отойди в сторонку,
где твой Господь смотрит тебе
в глаза
сквозь полумрак и старенькую
иконку.

Ты потерпи. Ты выдержи
этот взгляд,
пока вода не замутнит
хрусталик.
Теперь ты знаешь, как небеса
глядят
в Страстной Четверг в сад,
где Он был оставлен.

Ночная птица, стынущая на ветру,
роняет звук - мокрый,
дрожащий, тонкий...
И голова плачет по топору,

как в черном мать
по единственному ребенку.

Ушла жара. Обуглена листва.
Такой погром, что, кажется,
Литва
с Ордою шерстили эту чащу.
Оставь надежду,
всяк сюда входящий.
И выхухоль кричит, как татарва.

Как в кости дух, вколочена звезда
в сырое небо. Копен череда
вдали, где перелесок-оборванец.
И осень входит, точно Самозванец,
в покорные поля и города.

В колодцах отражения - кривы.
И эхо в них - как уханье совы -
наводит страх, но ничего не значит.
И если всадник здесь
какой проскачет,
то не иначе, как без головы.

Как богатырь на печке, разлеглась
повсюду домостроенная грязь,
из недр которой мерина с хомутом,
как репку, как Отечество
из смуты,
не вытянешь и танком. Отпродаясь

здесь так заведено. Здесь под горой
телятя все бодается с корой.
И даже если б силы Бог утпроил,
то чтоб ты не копал здесь
и не строил,
все будет долгострой и домострой.
Кругом - измена, слякоть и разор.
Осенний ветер свистом, словно вор,
сзывает кабыздохов и полканов.
Пернатые свалили под султана.
И шляхтичу сигналит мухомор.

Распад и смута входят в свой зенит.
Навзрыд остывшей медью
лес звенит,
и мертвою листвой набиты дроги.
Кустарник у измученной дороги
от ветра и дождей не схоронит.

Да ты и сам уже почти незрим.
Почти что гой, почти что пилигрим
в краю, где сплошь -
емелино хотенье,

где все дрожит, заслышав
серых пенье,
где каждый Мухосранск -
как Третий Рим.

Где все опять летим в тартарары..
Ударь в набат! Иди во все дворы.
Всех поднимай - от старца
до младенца -
измена! Но всего-то ополченцев -
ворона да кобель без конуры.

Темна вода в озерах, как чифирь.
Безлюдно. Только вечер-непопырь
скользит давно не паханною
пашней.
Да ветер над Маринкиною башней
читает до утра свою псалтирь.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

А.Л.

Поздний апрель. Ботанический сад.
Яблоко в мягкой ладони.
Сонно в эдемские кущи глядят
два утомившихся пони.
Ждет караван из рассеянных пар
старый автобус на входе.
И переспелый пылающий шар
в берег турецкий уходит.

Ворох созвездий. Скамейки уступ.
Строй гувернанток-акаций.
Чем ерундовой летящее с губ,
тем им теснее сливаться.
И иступленно простанство края,
словно спасения - руки
ищут напрасно скамейки края
перед бескрайней разлукой.
А поутру - хороводы в окно
радостной солнечной пыли...
Что мы там делали? Пили вино?
Спали? Гуляли? Любили?
Что тянет руку,
магнитит так взгляд
к прочно задернутой шторе?..
Поздний апрель.

Ботанический сад.
Двое, смотрящие в море...

Я глаза на минуту закрою..
Где запруда купает лосят,
где ночами над вечным покоем
неподвижные гроздья висят, -

там с утра под лучей перестрелку,
кладовую закрыв на засов,
мечет рыжие сполохи белка -
обезьяна заволжских лесов.

Через эту смиренную реку
этой тихой, неспешной тропой
невеселого человека
с невеселой и долгой судьбой

провести, и побыть с ним немножко,
и оставить потом одного...
Чтоб кустарник нагретой ладошкой
долго волосы гладил его.

Прошуми мне печаль, ветла.
Но не так, чтоб была светла,
а чтоб ветер всю ночь качал,
словно люльку, твою печаль.

Разведи мне костер, ветла.
Но не так, чтоб сгореть дотла.
Чтоб не смыла роса в зарю
с неба нашу печаль-золу.

Покажи мне тропу, ветла,
По которой она ушла...
Где в конце - лебеда-звезда,
а над ней, как печаль, вода...

ВСЕ ПРОЩЕНО

На ветке - ворон,
темнотой увитый.
Осенний вечер - из стихов Басе.
Усталый взгляд - что поле
после битвы.
И снег неспешен, как слова молитвы.
И прощено тем снегом вся и все.

Июльский сад, беседка на пригорке,
неумное, болтливое вино,
на ярком платье пестрые оборки,
все недомолвки, шуточки, оговорки -
все прощено. И все занесено.

И я, застывший белою мишенью
в прицеле ночи, я, почти без сил,
как чуда, жду чьего-то возвращения.
Я не просил ни снега, ни прощенья.
Кто их позвал сюда, кто пригласил?...

Все прощено. Отбеленный невежда,
не знаю я теперь, чего просить.
Все замело - желанья и надежды...

А снег нам дарит белые одежды,
которые вовек мне не носить.

Звуки и шорохи темной поры,
смутные стуки в чужом коридоре.
Слышно вдали бормотанье горы,
вздохи и всхлипы косматого моря,

исповедь леса ночному ручью...
Звукам я этим в укрытии внемлю,
их провожая оттуда в нищую
голую и бесприютную землю.

Утром дорогой вдоль моря и скал,
взгляд отведу я как будто случайно...
Я посторонний здесь,
я не слышал
ваши признания, жалобы, тайны...

ОН УЛЕТЕЛ...

«Он улетел», - сказала фрекен Бокк,
косясь на ящик, где скрестились
клюшки.
И, развернув победно левый бок,
пошла на кухню разбираться
с плюшкой.

Он улетел... До этого - грачи.
Потом синицы песенки пропели.
Не тронут торт,
и больше не звучит
в стокгольмском небе маленький
пропеллер.

Разбойничий вороний разнобой
исчез куда-то против всяких
правил.
И даже ангел с медною трубой
намедни свой старинный шпиль
оставил.

Все улетели... В барах, растолкав
последних пьяниц,
ставни затворили.
И не отыщет хмурый скандинав
в родной столице даже пары
крыльев.

Стокгольм затих.
Лишь чьи-то голоса
хоккейную приветствуют победу...
Пусты и безответны небеса
над головами мирно спящих
шведов.